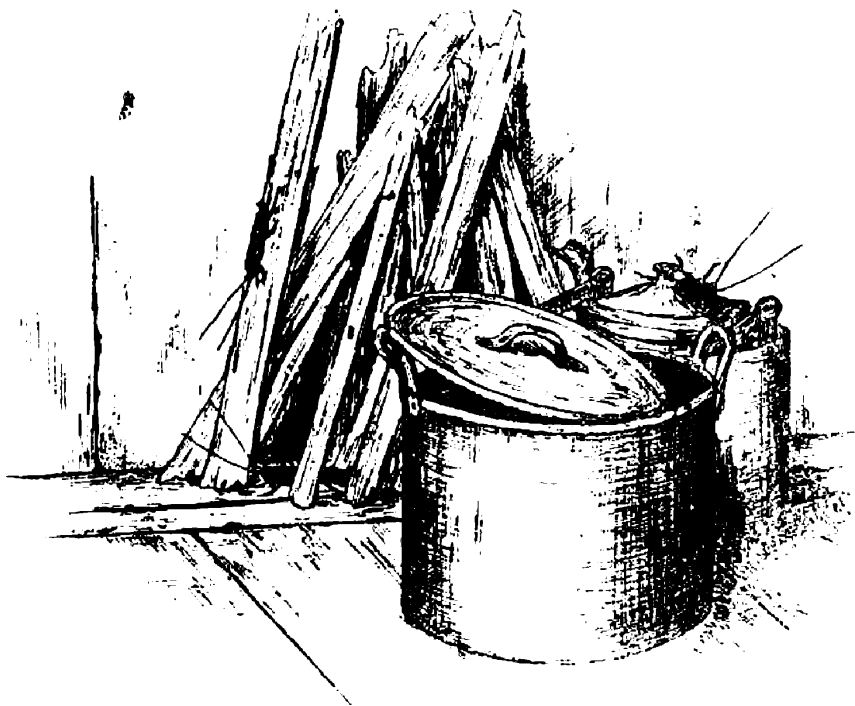

его поднимают вместе с крышей. А это крышка от котелка была. Потом она наклонилась, и тараканёнок опять свалился, да на самую середину раскалённой плиты.

Ну, тут Резвун совсем света не взвидел,

чувствует, что поджариваться начал, даже пар пошёл. Еле на ножки перевернулся. Туда, сюда побежал, везде горячо. Лапки к плите пристают, кожица потрескалась, обгорела. Еле-еле выбрался на холодное место — на край плиты.

Потом весь день как мёртвый лежал, вече-

ром в дровах прятался и только поздно ночью домой вернулся. Ноги болят, два шага сделает, ляжет, итти не может. А как поправился, встал, снова путешествовать хочет, как будто ничего и не было.

И вот подговорил он брата из дому удрать, обещал ему плиту показать. Подождали они до вечера, а как стемнело, вылезли из щели и побежали. Бегут Резвун с Усатиком, только лапки мелькают.

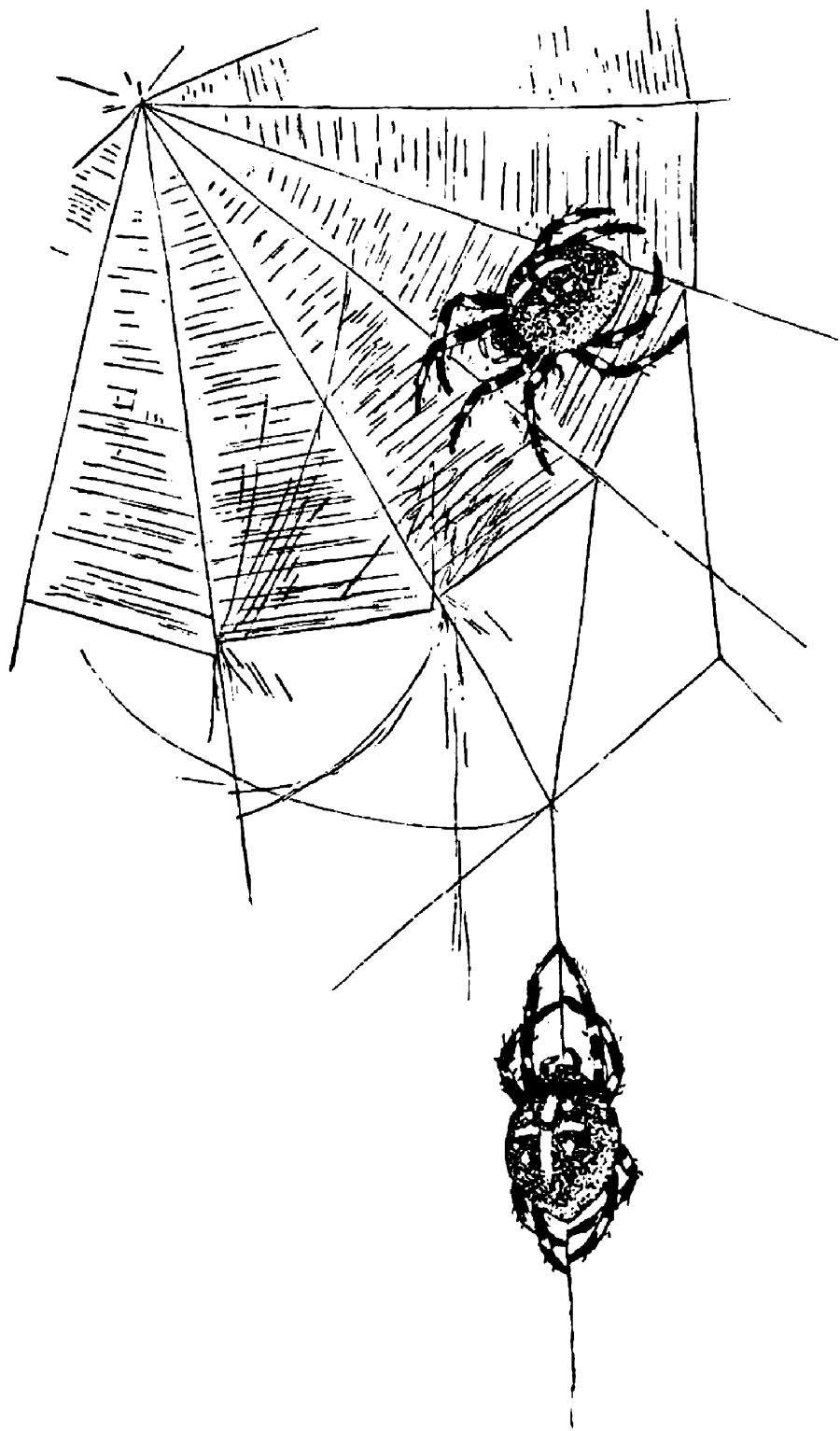
Вдруг навстречу им зверь на восьми длинных ногах. Перепугались тараканята, а спрятаться негде. Усатик назад пятится за спину брата. А зверь прямо на них идёт.

— Вы что тут делаете? А?

Трясется Усатик, слова вымолвить не может. А Резвун вдруг расхрабрился.

— А скажите, пожалуйста, как вас зовут?

Спросил, а сам думает: «Сейчас съест, сей-

час съест!» Но зверь ничего, подвинулся поближе и отвечает:

— Зовут меня пауком. Ловлю я мух и кровь из них высасываю, тараканов вот ни разу не ел. Не попробовать ли? Может вы и вкусные?

Тараканята кубарем от него — со стены на плитку скатились.

Бегут братишки что есть мочи, под ноги не смотрят. Резвунчик сразбегу в какую-то круглую яму провалился. Хорошо, что не ушибся, упал на что-то мягкое, тёплое, точно в песок с головой зарылся.

Выкарабкался Резвунчик, осмотрелся кругом: темно, ничего не видно и Усатика нет. Что за пещера темная? Жутко стало тараканёнку, да вдруг слышит сверху голос знакомый. По-

смотрел, а над головой у него дыра круглая, в неё усы свешиваются и голова Усатика торчит. Тут только он понял, что в открытую вьюшку на золу упал. Хорошо, что печка не топилась.

Думали, думали братья, что им делать. Усатику вниз прыгать страшно, а Резвуну никак наверх не подняться. Однако не век же так сидеть. Пошёл Резвун в одну сторону — в стенку упёрся. Пошёл в другую — в золе тонет. Вдруг слышит сверху голос Усатика:

— Иди прямо, там ворота будут.

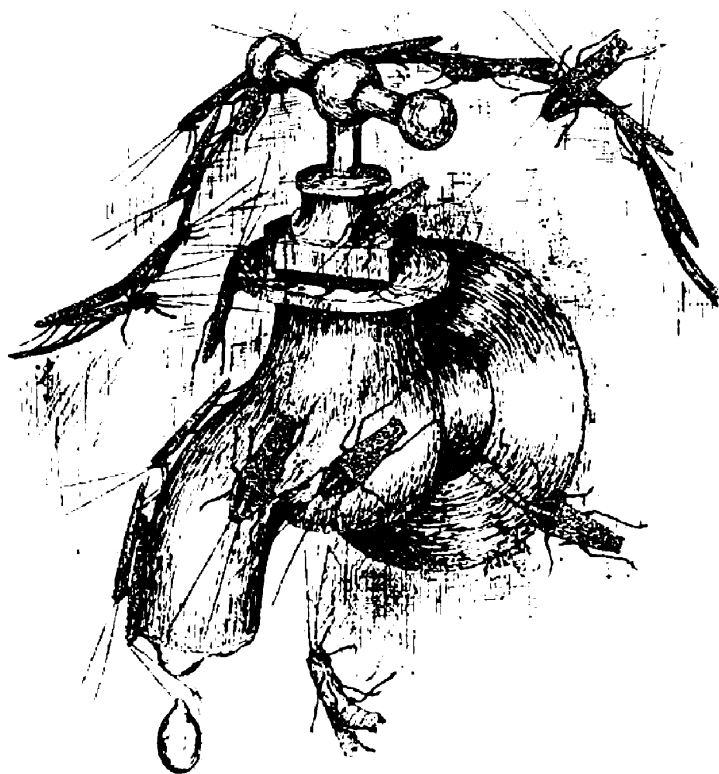
Полез Резвун, барахтается. Золой ему глаза залепило — ничего не видит. И вдруг он опять куда-то упал. Смотрит, а он на полу и Усатик рядом — с плиты слез.

— Ну, — говорит Усатик, — счастливо отделались. Идем дальше.

Идут тараканята, осторожно ступают, под ноги смотрят, нет ли где дырки. Ползут и видят: тараканы идут, много тараканов — толпа целая. Куда это народ валит? Пошли тараканята за ними.

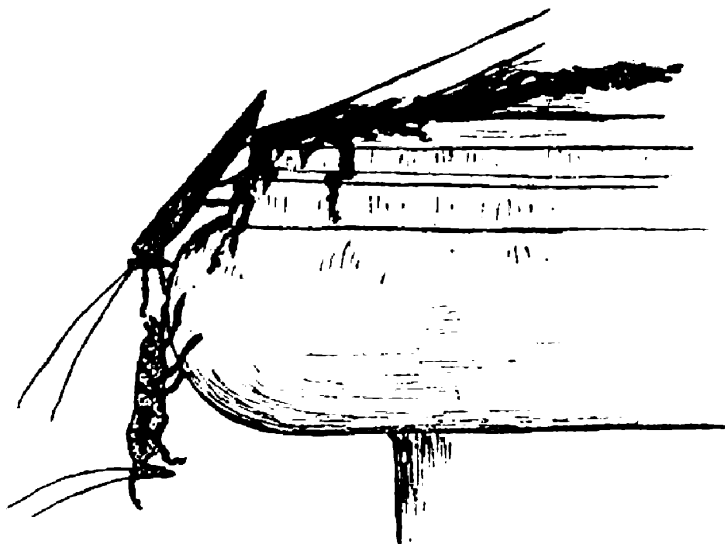
Поднялись наверх по стенке и видят, что к раковине пришли. А там столько тараканов набралось, что никак и к воде не пробраться.

Столпились все в кучу, давят друг друга, толкаются. Задние так прямо на спины передним влезают, чтобы поскорее до воды добраться. Усатик с Резвунчиком в самую давку не по-

лезли. И так уж их бедных затолкали. Полизали они мокрые стенки и хотели уже домой итти, да вдруг слышат крик. Оглянулись и видят: два таракана почти совсем свалились и только передними лапками держатся, а их всё

больше и больше спихивают. И вот один из них не удержался и вниз покатился, перевернулся несколько раз, да прямо в решётку трубы и провалился. А остальные тараканы, как будто ничего и не случилось, попрежнему друг друга толкают, того и гляди ещё кто-нибудь упадёт.

Тут Резвунчик с Усатиком скорей прочь побежали.

Бегут вдоль по стене, лапками за неровности цепляются, а сами вокруг смотрят. Вдруг Резвун брата усом толкает и вниз показывает. А ввиду еды видимо-невидимо: ломти хлеба огромные, куски сахару с тараканью голову, муки горы, море молока. Как увидели тараканята, так и остались стоять с растопыренными

усиками. А потом как бросятся вниз, так кувырком и скатились. Бегают по кухонному столу из стороны в сторону, к сахару ткнутся, молока попьют. Всего попробовать хочется. А вокруг другие тараканы от молока мокрые ползают, мухи около крошек кольцом становятся.

Наелись тараканята. Смотрят — в одном месте мух целая куча, и всё новые и новые прилетают, а ни одна не улетает. Ну, верно там что-нибудь вкусное?

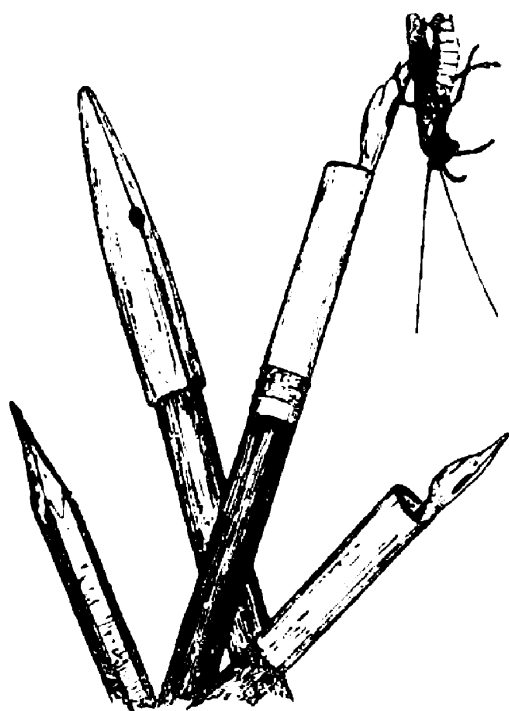
Сунулся Резвун сразбегу в самую гущу, всех мух растолкал, он хоть и маленький, а муху обидеть может. Дальше что-то ходить стало трудно. Ноги будто отяжелели. А он знай ползёт себе вперед да вперед, мух оглядывает. Видит, рядом у мухи две ножки к листу прилипли, а остальные болтаются. Загляделся на неё Резвун, только попробовал дальше итти, видит и сам прилип. Высвободится хочет. Дёргается Резвун, а ножки ещё больше прилипают. Ни назад, ни вперед. А кругом мухи жужжат, крылышками машут, за таракана и друг за друга цепляются. Одни только прилетели и на ножках еще стоят, другие уже на бок свалились, крылом прилипли и уж еле шевелятся. Испугался Резвун: что если здесь

навсегда останешься? Собрал последние силы, высвободил одну ножку, на соседнюю муху поставил, почувствовал, что опереться может, другие начал понемногу вытаскивать. Так по мухам и вылез. Ползёт Резвун, лапки к столу пристаут, каждую приходится отдельно отцеплять, еле движется. Отыскал брата и пошли они домой. Да вот только дороги не знают, то

в одну сторону повернут, то в другую. Долго так шли. И по полу, и по стене, и по дверной ручке шли. Наконец на какой-то стол попали. Взобрались, видят странные вещи стоят. Принялись они их осматривать, осторожно ходят, смотрят, как бы в дыру не попасть, не утонуть и не прилипнуть. Усатик все время о доме думает, никуда не сворачивает, только брата старается из виду не терять — боится один остаться.

А Резвун тем временем на лампу забрался, поскользнулся на стеклянном абажуре, да вниз и полетел. Да так неудачно. Под лампой стаканчик с перьями и карандашами стоял, Резвун на одно из перьев и наткнулся, про-

колол себе кончик крылышка и повис. Барахтается и так и сяк — никак с пера не сняться. Не выдержало крыло, разорвалось, и Резвун прямо в открытую чернильницу упал. Хорошо, что чернил только на доннышке было. Вылез из неё весь

черный, мокрый, ползёт, а сзади за ним чернильная дорожка остаётся.

Добрели наконец тараканята до дому, а дяди и тётки смотрят на Резвуна и не узнают.

— Ты, — говорят не наш таракан. Мы рыжие, а ты черный. Иди в соседнюю квартиру,